

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АРХИВИСТА, ИСТОРИКА И УЧИТЕЛЯ АНТОНИНЫ НИКОЛАЕВНЫ АНФЕРТЬЕВОЙ

Бывают ученые с регалиями, бывают — без, но при этом они остаются Учеными с заглавной буквы. Когда ты архивист, то твоя работа мало кому видна, ты как невидимка для научного мира. Но Антонина Николаевна Анфертьева такой не была, судьба уготовила ей много испытаний, но и одарила многими талантами.

Прежде всего, Антонина Николаевна была Светлым человеком. В наше озлобленное время сохранять столько душевного тепла и терпения по отношению к совершенно разным людям — это уже подвиг. За 5 лет совместной работы я не помню ни разу, чтобы она злилась или повышала голос, при этом ей приходилось решать уйму мелких вопросов, количество которых могло вывести из себя самого уравновешенного человека. Она была из той редкой вымирающей породы людей, которые не пройдут мимо, всегда помогут советом, добрым словом, дадут займы, даже когда сами «на мели». Находиться рядом с ней — это как греться в лучах солнца, при этом само «солнце» себя таким не осознает...

Она занималась архивной работой — как искусством, и как выдающийся художник делала ее просто, незаметно и между тем виртуозно. Эти слова — не только потому, что Антонины Николаевны больше нет рядом с нами, это мы говорили ей и при жизни, а она смотрела на нас своим уставшим, но всё понимающим взглядом и, видимо, думала, как мы будем ВСЁ ЭТО делать без нее. Антонина Николаевна делала скучную работу (у архивистов такой много), но в ней не угасал дух творчества и в скучнейшем отчете она находила некую поэтику, которая скрашивала и наше существование.

Человек, который в свои 63 года был полон интереса к жизни, составлял планы на будущее — не мог не заражать своей позитивной энергией и энтузиазмом. Даже во время перерывов в работе она сидела с чашкой кофе и романом на французском языке и в этом был свой шарм... как и в тонких сигаретах, которые она как-то по-особому держала в своих изящных руках. Антонина Николаевна с легкостью могла дать совет по переводу со старо-французского языка XVIII в. и по деятельности Н.Я. Марра, наизусть указать значительную часть делопроизводственных индексов, придать завершенность твоему корявому тексту — при этом, не задев «научной гордости».

Ей удалось собрать вокруг себя молодых специалистов, ничего не смыслящих в обработке научных фондов, и за короткое время научить их тому, что преподают за 5 лет в вузе. И никакой назидательности, скучных лекций: обучение шло параллельно с работой, и это была настоящая школа мастера. Антонина Николаевна, или как некоторые ее называли — Мама Тоня, сумела создать научную, творческую и при этом домашнюю обстановку в отделе, где мы все были ее детьми, чувствовали внимание к нашим проблемам и уверенность в их разрешении.

И во многом символично, что Антонины Николаевны не стало именно в то время, когда рушится система ее ценностей, когда уничтожают то учреждение, в котором она трудилась более 30 лет и трудилась не за деньги, а за совесть: «Меня научили хорошо выполнять свою работу». И она выполняла ее, несмотря ни на что. Даже в свой последний день, больная, она делала ее, считая, что кроме нее никто не сможет..., и в этом была права.

Светлая Вам память, Антонина Николаевна, спасибо, что позволили быть рядом с Вами и учиться у Вас...